

СТИХОТВОРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ В СОЦИО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1940–1960-Х ГОДОВ

Галина Михайлова

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Разговор об авторских посвящениях Анны Ахматовой в определенной степени является ответом на вопрос о том, удалось ли поэту разрешить дилемму, которую В. А. Подорога сформулировал (в статье, написанной по другому поводу) так: «или быть во времени тех, кого нет и быть им современным, но тогда самому не существовать или не быть в своем времени»¹. Для того, чтобы не множить рассуждений ахматоведов о свойствах памяти и первостепенности категорий помнить/вспоминать², просто процитируем записи 1960-х гг. самой Ахматовой и ее проницательного современника. Записи Ахматовой от 10 марта 1963 г. и 10 марта 1964 г.: «День Данта (приговор). Смерть Замятина (1937) и Булгакова (1940). Арест Левы (1938)»; «Сегодня день смерти Замятина (1937), Булгакова (1940), ареста Левы (1938) и приговора Данте...»;

заметка от 30 мая 1964 г., когда прошел вечер Ахматовой в Музее Маяковского: «день смерти Пастернака»; набросок от 28 июля 1965 г.: «...еще три дня июля, а потом траурный гость – август..., как траурный марш, который длится 30 дней. Все ушли под этот марш: Гумилев, Пунин, Томашевский, мой отец, Цветаева...»³. А вот впечатления поэта Давида Самойлова: бытие Ахматовой – это пребывание в «мнимом мире», с тяготящимся ею «двором» (имеются в виду московские друзья Ахматовой), призрачной литературной «школой», создателем которой она себя называет, иллюзорными продолжателями (в их числе – Бродский) – «одинокая старуха, мужественно несущая непомерный груз стихов»⁴. Согласиться ли, таким

¹ В. А. Подорога, «К философии архива. Заметки», *Индекс. Досье на цензуру*, № 14, 2001, <http://www.index.org.ru/journal/14/podoroga1401.html>

² См. специальные работы О. В. Симченко, Л. Г. Кихней, М. В. Серовой, Э. М. Свентицкой и др.

³ *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)*. Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой, вступ. ст. Э. Г. Герштейн, науч. консультирование, вводные заметки к зап. книжкам, указатели В. А. Черных, Москва – Torino: Giulio Einaudi editore, 1996, с. 308, 445, 464, 644.

⁴ Д. Самойлов, «Из дневника». Публ. Г. И. Медведевой, *Литературное обозрение*, 1990, № 11, с. 97.

образом, с тем, что ахматовские посвящения – это послания одинокой тени в мир теней, который для адресанта является реальнейшим из миров, или полагать, что адресатами «груза» эпитафий являлись не только те, кто обозначался в заглавии или в преддверии текста?

Обратимся к авторитетному мнению французского социолога и философа Пьера Бурдьё, который писал, что нет оснований полагать, что «“явный” адресат, если таковой имеется (заказчик, объект посвящения и т. д.), является истинным адресатом произведения и, в любом случае, что причина или цель производства сводимы к адресату. В лучшем случае, адресат может послужить лишь случайным поводом; общий конструктивный принцип литературного предприятия определяется всей структурой и историей культурного поля и, через посредство этого поля, всей структурой и историей рассматриваемого социального мира»⁵. Именно с этой точки зрения в настоящей статье будут рассмотрены отдельные стихотворения из цикла Ахматовой «Венок мертвым», а также некоторые иные посвящения.

Но начнем мы все-таки с адресатов, с дат написания и публикации этих стихотворений. В записных книжках Ахматовой, начиная с конца 1959 г. и заканчивая ранней весной 1966 г., имеются планы цикла «Венок мертвым», ядро которого остается неизменным: цикл включает эпитафии И. Ф. Анненско-

му, М. А. Булгакову, М. И. Цветаевой, О. М. и Н. Я. Мандельштамам, М. М. Зощенко, Б. Л. Пастернаку, Б. А. Пильняку, Н. Н. Пунину, А. М. Оранжиреевой (Анте). Есть и более ранние свидетельства замысла или наличия такого цикла. К примеру, Л. К. Чуковская утверждает, что Ахматову «мучило и угнетало», что в рукопись сданного в набор в апреле 1940 г. сборника «Из шести книг» не вошли стихи «тогда самые для нее дорогие, – из поэмы “Реквием”, “Венок мертвым” и еще многие»⁶.

В разные времена Ахматова вплета-ла в «Венок» разные тексты – одни на вполне «законных» основаниях, т.к. в жанровом отношении они являются истинными стихами «памяти», другие тематически и эмоционально к ним примыкают. К первым можно отнести *Заклинание*, датированное в рукописи несостоявшейся книги «Нечет» 15 апреля 1936 г. – днем 50-летней годовщины Н. С. Гумилева⁷, *Памяти Александра Блока*⁸, означенное в записи планов «Венка мертвым» от 1962 г. как *Блок*⁹ (возможно, также как *Александр*¹⁰), вошедшее, в конце концов, в цикл из трех стихотворений (в изданном в 1961 г. сборнике стихотворений) и *Памяти Сергея Есенина*. Ко вторым можно отнести стихи-поминовения друзей юнос-

⁶ Л. К. Чуковская, *Записки об Анне Ахматовой*, Москва: Согласие, 1997, т. 1, с. 97.

⁷ См.: *Записные книжки*, с. 106, а также примечания М. М. Кралина к этому стихотворению. – Анна Ахматова, *Сочинения в 2-х т.*, Москва: Издательство «Правда», 1990, т. 1, с. 401.

⁸ Авторское название стихотворения *Он прав – опять фонарь, аптека...* в «Нечете» 1946 г. и в издании «Стихотворения» 1958 г.

⁹ *Записные книжки*, с. 236.

¹⁰ *Там же*, с. 106.

⁵ П. Бурдьё, «*Поле литературы*». Пер. с фр. М. Гронаса, *Новое литературное обозрение*, 2000, № 45, с. 22-87, <http://bourdieu.name/content/pole-literatury>

ти или представителей творческой среды начала XX в.: в записях и в планах «Нечета» – это *Подвал памяти*, 1940 и *Новогодняя баллада*, 1923 г.¹¹ Имена гостей в «балладе» исследователи разгадывают до сих пор: Вс. Г. Князев (или М. А. Линдеберг), Н. В. Недоброво и Н. С. Гумилев, покинувшие этот мир на момент написания стихотворения, В. К. Шилейко и Н. Н. Пунин, скончавшиеся позже, и, возможно, эмигрировавшие и пережившие Ахматову на год-три А. С. Лурье (или Б. В. Анреп). В отцензурированном и изданном в 1965 г. сборнике «Бег времени» *Новогодняя баллада* открывала «Венок мертвым». Причины, по которым эти стихотворения не вошли в «канонический» список цикла, вероятно, многообразны и могут быть описаны. Думается, однако, что полагать критерием отбора личное отношение Ахматовой к той или иной фигуре (или творчеству этой фигуры) было бы неверным. Сила, скрепляющая воедино Булгакова с Гумилевым, а Цветаеву с Есениным, – интенция восстановить целостность и истинность литературной истории.

Особую группу стихотворений, которые, по замыслу Ахматовой, могли быть частью «погребального» цикла, составляют очень личные тексты, отчасти ориентированные на автокоммуникацию: это *Надпись на книге*¹², *Мно-*

гим и *Кого когда-то называли люди...*¹³. О важности первых двух свидетельствует то, что они являются текстами т.н. «Заветной тетради» (как, впрочем, и *Новогодняя баллада*), в которых осмысливается собственное место в равной степени драматических русской истории и русской стихотворной культуре. Третье стихотворение (1945?) прочитывалось самой Ахматовой как своеобразное завещание, подведение итогов: в первоначальном плане последней книги Ахматовой оно снабжено пометой «после всего»¹⁴.

Отдельные эпитафии «Венка мертвым» являются непосредственными откликами на смерть. Таковы посвящения Булгакову (*Вот это я тебе, взамен могильных роз...*, созданное в день смерти писателя в марте 1940 г.¹⁵), Пильняку (*Все это разгадаешь ты один...*, 1938), Пастернаку (*Умолк вчера неповторимый голос...* и *Словно дочка слепого Эдина...*, написанные в последующие за смертью Пастернака 30 мая 1960 г.

но М. Л. Лозинскому и открывало составленный к 1940 г. сб. стихов «Тростник» (было опубликовано в ж-ле «Ленинград» №1-2 в 1946 г.). Ко времени ахматовских записей известного переводчика Лозинского уже не было в живых (он скончался в 1955 г.), поэтому один из ахматовских друзей «первого призыва» вполне мог встать в ряд тех умерших, к кому обращался автор «Венка», тем более, что противоречивые оценки стихотворной деятельности Лозинского «дожили и до 1960-х, когда его лишь изредка поминали как “одного посредственного, близорукое и приветливого поэта”». – Р. Тименчик, *Анна Ахматова в 1960-е годы*, Москва; Toronto: Водолей Publishers, The University of Toronto, 2005, с. 680.

¹³ *Записные книжки*, с. 373, 106.

¹⁴ Примечание М. М. Кралина. – Ахматова, т. 1, с. 429.

¹⁵ В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966*. Изд. второе, испр. и доп., Москва: «ИНДРИК», 2008, с. 318.

июньские дни), Зоценко (*Словно дальнему голосу внемлю...*, 1958)¹⁶, а также, возможно, стихотворение *И сердце то уже не отзовется...*, датированное осенью 1953 г. и адресованное Пунину, скончавшемуся в лагере 21 августа 1953 г.¹⁷

Но для наших рассуждений интерес представляют не столько *точные даты написания* этих и других посвящений, сколько вариации этих дат и, более всего, те варианты датировки, которые *указывались* автором или издателями при *публикации* текстов. Временные смещения, к примеру, пунинской эпитафии, возможно, связаны с тем, что оно первоначально имело иного адресата. В публикации 1958 г. (сб. «Стихотворения») стихотворение датировано 1946 г., посвящение отсутствует; к середине 1960-х гг., в книге «Бег времени», появляется посвящение «Н. П.», но датировка иная – 1956¹⁸. Может быть, стихотворение предназначалось В. Г. Гаршину, боль разрыва с которым в 1944 г. была сильна и спустя два года, и окончательное расставание с которым (с болезненной памятью о котором) случилось в 1956 (Гаршин умер 20 апреля этого года)? На эту возможность указывают образные мотивы, сближающие *И сердце*

то уже не отзовется... и посвященное Гаршину стихотворение 1939 г. *Годовщину последнюю праздную...* (мотивы ночи и голоса), а также то, что *Годовщина...* также является одним из примеров перепосвящения стихов: дедикация «В. Г. Гаршину» была Ахматовой снята, и в сб. «Стихотворения» 1958 г. поставлено посвящение тому же Пунину¹⁹. Верность или ошибочность вышеизложенного предположения не существенна для наших дальнейших суждений – мы мотивировали смену дат (перепосвящение) фактом, не выходящим за рамки интимной жизни Ахматовой. Более важны иные истории.

Например, история стихотворения *Памяти Сергея Есенина*. Датированное 1925 г., оно читалось Ахматовой на одном из литературных вечеров 25 февраля этого года²⁰, Есенин же скончался в декабре 1925-ого. Исследователи полагают, что изначально стихотворение было связано с именами Блока и Гумилева²¹. После трагической гибели Есенина оно получило конкретную дедикацию (например, в 1940-е гг., в рукописи «Нечета»), но безусловную: в планах цикла «Венок мертвым» лета 1963 г. оно фигурирует под разными номерами, датами, названиями (№ 9 и № 10; 1925 и 20-ые годы; *Как (sic!) просто*

¹⁶ Его кончина 22 июля 1958 г. «тяжело поразила» Ахматову. См.: письмо Ахматовой Э. Г. Герштейн от 1 августа 1958 г. – *Вопросы литературы*, 1989, № 6, с. 263.

¹⁷ Внезапное желание навестить брата Пунина, возникшее у Ахматовой 22 августа 1953 г., она позднее объяснила предчувствием этой смерти, о которой узнала только в октябре. – Л. А. Зыков, «Николай Пунин – адресат и герой лирики Анны Ахматовой», *Звезда*, 1995, № 1, с. 78.

¹⁸ См.: примечание М. М. Кралина. – Ахматова, т. 1, с. 417.

¹⁹ См.: Чуковская, т. 1, с. 153; примечания М. М. Кралина. – Ахматова, т. 1, с. 401.

²⁰ См. со ссылкой на запись П. Н. Лукницкого: Черных, с. 203.

²¹ В. Я. Виленкин, Л. К. Чуковская. См. также: П. Подберезкина, «Анна Ахматова. Другие тринадцать строчек», *University of Toronto Academic Electronic Journal in Slavic Studies Toronto Slavic Quarterly*, <http://www.utoronto.ca/tsq/14/poberezkina14.shtml>

можно... и Памяти Есенина)²². М. М. Кралин пытается оспорить утвердившееся мнение о скептическом отношении Ахматовой к личности и творчеству Есенина²³. Нам же оно представляется обоснованным, потому что оглядка на устные воспоминания Ахматовой о Есенине, записанные А. П. Ломаном в 1960-е гг., не изменяют принятой в ахматоведении точки зрения, а корректируют ее в главном. Есенин не принадлежал к тому ряду поэтов, который Ахматова репрезентировала в качестве «высоких» имен русской культуры, и в силу его собственной интенции: «Мне всегда казалось, что Есенин относится ко мне и ко всем тем, кто меня окружал, как к своей полярности, и в силу этой полярности возможность взаимопонимания исключал»²⁴. При этом Ахматова не отрицала, а пыталась объяснить для себя силу харизматического авторитета Есенина как в 1920-е, так и в 1960-е гг.: «...я понимаю, что это сильно действующая теноровая партия. Известному кругу людей он заменил Надсона»²⁵; «Неужели то, что мы сейчас слышим и читаем, настолько хуже, что Есенин кажется высоким поэтом?»²⁶.

Перипетии, связанные со стихотворением *Памяти Есенина*, имеют внешнее сходство с историей датировки стихотворения из триптиха, посвященного

²² *Записные книжки*, с. 373, 375.

²³ М. Кралин, «Анна Ахматова и Сергей Есенин», М. Кралин, *Победившее смерть слово. Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках*, Томск: Изд-во «Водолей», 2000, с. 129-153.

²⁴ Из устных воспоминаний Ахматовой. – Цит. по: Кралин, с. 142.

²⁵ Запись 15 мая 1954 г. – Чуковская, т. 2, с. 97.

²⁶ Запись 18 февраля 1966 г. – *Записные книжки*, с. 711.

Пастернаку, – *И снова осень валит Тамерланом...* Стихотворение подписано двумя датами. Это 1947 г., т.е. тяжелый период в жизни не только Ахматовой, но и Пастернака (после печально известного Постановления 1946 г.), и 25 октября 1958 г. – начало гонений на Пастернака в связи с присуждением ему Нобелевской премии²⁷. В 1947 г. травимые Ахматова и Пастернак не упускали друг друга из виду²⁸; в 1958 г. Ахматова тревожилась о судьбе писателя и друга²⁹. Т.о., даты под посвящением отражают тот аспект взаимоотношений между людьми одного литературного круга, который можно определить и в категориях социально нерегламентируемого поведения – как взаимопомощь близких людей, и (учитывая попытки – неудачные – публикации посвящения в 1960 г.) как форму определенного социального поведения – стремление Ахматовой своим авторитетом защитить гонимого автора. При этом нельзя не отметить, что и это посвящение, и последующие два стихотворения 1960 г., адресованные Пастернаку, – это, так сказать, ахматовский «патент на благородство», если принять

²⁷ См.: Черных, с. 526.

²⁸ Ср.: в письме Пастернака О. М. Фрейденберг от 16.02.1947 г.: «...я кому-нибудь из вас троих – тебе или Берггольц или Ахматовой – пошлю стихи из романа <...>, чтоб вы хоть что-нибудь обо мне знали, чтобы переписать или дать переписать остальным. Вернее всего Ахматовой, как преимущественной мученице...» (*Переписка Бориса Пастернака*. Сост., подготовка текста и ком. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака, Москва: Художественная литература, 1990, с. 238). Ответная записка Ахматовой Пастернаку марта 1947 г.: «Дорогой мой друг, спасибо за чудесные стихи и письмо Ваше. Я люблю Вас и все время думаю о Вас. Молось за Вас. Ваша Анна» (Цит. по: Черных, с. 428).

²⁹ См., к примеру: Чуковская, т. 2, с. 273, 322.

во внимание ее критические оценки позднего творчества Пастернака (включая роман «Доктор Живаго») ³⁰, обиды в связи с вялым интересом Пастернака к ее творчеству ³¹, ущемленное самолюбие в ситуации с Нобелевской премией (известны ее не совсем обоснованные притязания на лауреатство ³²).

История посвящения Мандельштаму несколько иная. Это ахматовская лепта в копилку либерального официоза раннего периода оттепели. 28 февраля 1957 г. Ахматову утвердили членом комиссии по литературному наследию О. Э. Мандельштама. В первой декаде мая 1957 г. она создает первый вариант стихотворения *Я над ними склонюсь, как над чашей...* с посвящением Мандельштаму, 5 июля – его окончательный

вариант ³³. Параллельно она активно общается с вдовой поэта, работает над первой своей мемуарной прозой, «Листками из дневника» – воспоминаниями о Мандельштаме ³⁴.

В тот же, 1957 г., Чуковская фиксирует ахматовский императив: «Времени у меня осталось так мало., что теперь мне следует писать только то, чего кроме меня никто не напишет» ³⁵. Ахматова сознает значимость своего «ментального архива» (М. Фуко) для новой истории литературы, которую, как кажется не ей одной, начинают реконструировать в послесталинскую эпоху, и организует (пытается организовать) его присутствие в культурном процессе и массовом сознании. Как верно замечает Р. Д. Тименчик, в основе мемуаристики Ахматовой лежал полемический импульс – «реакция на начавший пробиваться ручеек воспоминаний о дореволюционной эпохе» ³⁶. Но важно и иное: поэтические «монументы» реабилитируемым авторам ³⁷ (или писателям, чье творчество ранее подвергалось ревизии ³⁸) она дополняет (планирует допол-

³⁰ См.: записи Л. К. Чуковской конца мая и 2 октября 1957 г. – Чуковская, т. 2, с. 258, 267-268, 687; Тименчик, с. 446-447.

³¹ Л. Я. Гинзбург вспоминает, как Ахматова говорила: «Борис читал Рильке, но не своих сверстников. Мои стихи он никогда не читал». В доказательство этого утверждения она приводила восторги Пастернака в письме от 28 июля 1940 г. по поводу строк из ее стихов 1912 г. – Л. Гинзбург, «Ахматова (Несколько страниц воспоминаний)», *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Ком. А. В. Курт и К. М. Поливанов, Москва: Советский писатель, 1991, с. 139. Аналогично в заметках Вяч. Вс. Иванова о лете 1959 г. рассказывается, как Ахматова обижалась на хвалы, воздаваемые Пастернаком ее стихам сорокалетней давности. Комментируя эти обиды, Иванов пишет, что Пастернак знал и даже читал наизусть раннюю Ахматову и что ее, скорее всего, волновало, «читает ли он последующие сборники и как оценивает ее попытки “перепастерначить” его». – Вяч. Вс. Иванов, «Беседы с Анной Ахматовой», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, с. 480.

³² См. подробнее: А. М. Блох, *Советский Союз в интерьере Нобелевских премий. Факты. Документы. Размышления. Комментарий*. Под ред. проф. А. И. Мелуа, С.-Петербург: Гуманистика, 2001, с. 466-476.

³³ Черных, с. 511, 512, 514.

³⁴ Там же, с. 593-594, 612.

³⁵ Запись 14 сентября 1957 г. – Чуковская, т. 2, с. 516.

³⁶ Тименчик, с. 64.

³⁷ В 1961 г. вышел том «Избранное» Цветаевой; в начале 60-х гг. предполагалось издание в Большой серии Библиотеки поэта стихотворений Мандельштама (его книга в этой издательской серии вышла только в 1973 г.). Задержка издания Мандельштама компенсировалась вниманием к нему в неподцензурной сфере, чему Ахматова очень радовалась. См.: Н. Я. Мандельштам, «Из воспоминаний», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, с. 303.

³⁸ Например, ахматовские мемуарные свидетельства о Блоке совпали со временем чтения изданных в 1965 г. «Записных книжек» Блока.

нить) аутентичными свидетельствами – мемуарной прозой, сознавая, возможно, первенство «документа» в иерархии форм культурной памяти. Помимо воспоминаний о Мандельштаме, Ахматова пишет заметки о Блоке, наброски о Н. С. Гумилеве – «Самый непрочитанный поэт». К концу 1962 – началу 1963 гг. относятся ахматовские записи «Здесь вечер, или Два дня (о Марине Цветаевой)» о двухдневной встрече с Цветаевой в июне 1941 г.³⁹ Зимой 1966 г., находясь в больнице, Ахматова создает мемуары о М. Л. Лозинском⁴⁰. Готовясь к исполнению долга перед Пастернаком («Я знаю, что после Лозинского *должна писать* о Борисе». Курсив мой. – Г.М.⁴¹), еще в сентябре 1961 г. Ахматова начала работу над очерком «Путь Пастернака»⁴². Момент *долженствования* в данном случае вступал в противоречие с человеческой позицией (или сутью писательского дара?) объекта воспоминаний – к концу 1961 г. относится такая запись Ахматовой: «Я сейчас поняла в Пастернаке самое страшное: он никогда ничего не вспоминает. Во всем цикле “Когда разгуляется” он, уже совсем старый человек, ни разу ничего не вспоминает: ни родных, ни любовь, ни юность»⁴³. Отдельные просьбы издателей, литературоведов, друзей остались неосуществленными: известно, что И. С. Зильберштейн от имени редакции «Литературного наследства» просил Ахматову

прислать воспоминания о Маяковском (январь 1957 г.)⁴⁴, вдова Булгакова – написать воспоминания о Булгакове, А. П. Ломан – о Есенине.

Подведем некоторые итоги: кто же становился адресатами эпитафий и посвящений Ахматовой? Те лица, которые в сознании современников (читателей – реальных и потенциальных, писателей и литературных критиков – советских и зарубежных⁴⁵, власть предержащих – партийных и литературных функционеров) являлись людьми одного литературного ряда. Вне сомнения высокохудожественного и значимого⁴⁶, но с определенного времени маргинального – запрещенного в сталинские времена, полузапретного в оттепельные годы (циркулирующего в полную силу в неподцензурной сфере и разрешенного к официальной публикации с оговорками всяческого рода). «Первая попытка амнистировать русских классиков советского времени была предпринята в октябре 1953 г. на собрании партгруппы

⁴⁴ Черных, с. 509. См. также записи Л. К. Чуковской. – Чуковская, т. 3, с. 57-58.

⁴⁵ Напр., в рецензии Ю. К. Терапиано на журнал «Грани» 1964 № 56: «Но никак не могу согласиться с таким утверждением Т. Тарасовой <автором статьи “Живая совесть”>, опубликованной в этом номере журнала. – Г.М.>: “Со смертью Пастернака она <Ахматова> заняла место первого поэта России”. Первым поэтом России XX века был Блок, а после его смерти – и до сих пор – Анна Ахматова. Пастернаку необходимо считаться с рядом соперников для того, чтобы занять третье или четвертое место: О. Мандельштам, М. Цветаева, С. Есенин, В. Маяковский...». – Цит. по: Тименчик, с. 501.

⁴⁶ Ср. в письме В. А. Каверина 1946 г. «Вот заметьте, кто не только устоял в русской поэзии (современной), но и двинул ее вперед. Мандельштам, Пастернак, Ахматова – люди поэтической личности». – В. Каверин, *Литератор, Дневники и письма*, Москва: Советский писатель, 1988, с. 115.

³⁹ *Записные книжки*, с. 278.

⁴⁰ *Там же*, с. 701-705.

⁴¹ Запись 8 февраля 1966 г. – *Там же*, с. 709.

⁴² Черных, с. 568.

⁴³ *Записные книжки*, с. 188.

правления ССП»⁴⁷, и в последующие несколько лет имена Пастернака, Зощенко, Пильняка, Булгакова, Цветаевой, Мандельштама соседствовали с именем Ахматовой и, зачастую, не столько в эстетическом, сколько в политическом контексте⁴⁸.

Неизбежными оказались в этом случае разного рода со/противопоставления. Это касалось степени талантливости⁴⁹ и трагичности судьбы, а также меры приверженности гражданским (или религиозным⁵⁰) ценностям и «отеческим гробам»: в рецензии Е. П. Серебровской на альманах «Литературная Москва» Ахматова противопоставлена Цветаевой как поэт «оставшийся на родной земле» поэтессе, «порвавшей связь с родной землей»⁵¹; то же в зарубежной печати: «Из всей плеяды поэтов Серебряного века, не принявших

большевистской революции, лишь двое – Ахматова и Волошин – избрали одну и ту же участь: остаться в России и разделить с народом весь надвигающийся ужас, муки и позор. Соблазн эмиграции, которая в ту пору была символом безопасности, свободы и непричастности к преступлениям, был ими преодолен»⁵². Соотносили силу «политического резонанса» (Ахматова и Зощенко)⁵³, сравнивали уровень смирения и раскаяния. Так в 1959 г. первый секретарь правления Союза писателей А. А. Сурков в письме Хрущеву писал: «В отличие от Зощенко она дала твердый отпор реакционным английским студентам... <...> ...резко критиковала художественную слабость и политический уклон романа “Доктор Живаго”, который читала в рукописи, предоставленной ей Пастернаком»⁵⁴, или иначе: «А Зощенко, который сформировался при Советской власти, который ближе нам по существу, по внутренней позиции, которую он не менял все время, – его мы будем принимать, а не восстанавливать < в Союзе писателей. – Г.М.>. Почему вы так отнеслись

⁴⁷ Тименчик, с. 16.

⁴⁸ См., к примеру: *История советской политической цензуры*. Документы и комментарии. Сост. Т. М. Горяева, Москва: «Российская политическая энциклопедия», 1997, с. 121-124. Ср.: реплика В. М. Инбер при обсуждении резолюции ССП о Пастернаке: «Эстет и декадент – это чисто литературные определения. Это не включает в себе будущего предательства. Это слабо сказано». Ахматова это высказывание передавала так: «...Инбер сказала, что его надо расстрелять, как Гумилева...». – Цит. по: Тименчик, с. 320.

⁴⁹ Напр., в мае 1957 г. в выступлении одного из литературных критиков: «Сейчас вновь поднимают Цветаеву. Что же тогда делать с Ахматовой? Ведь по сравнению с Цветаевой она неизмеримо выше. Цветаева – явление крошечное». – Цит. по: Черных, с. 513.

⁵⁰ Как писал Э. М. Райс в парижском журнале «Возрождение» (1966 № 171): «Объяснение отказа поэтессы от ухода в изгнание... – в верности ее “суравовому духу византийства” русской Церкви, т.е. в готовности принять страдание ради укрепления силы духа, из аскетизма». – Цит. по: Тименчик, с. 552.

⁵¹ Е. Серебровская, «Против нигилизма и всеядности», *Звезда*, 1957, № 4, с. 201.

⁵² Н. Тарасова, «Живая совесть», *Грани*. 1964, № 56. Цит. по: *Анна Ахматова: Pro et contra*, С.-Петербург: РХГА, 2005, т. 2, с. 262. Ср. с излагаемым разными мемуаристами эпизодом в доме Пастернака в апреле 1946 г.: тост А. Н. Вертинского о любви к России и о любящих Россию, который вызвал гневную отповедь Ахматовой и хозяина дома. – Конспективное изложение мемуарных свидетельств приведено Р. Д. Тименчиком. – Тименчик, с. 339-340.

⁵³ Напр., в письме А. А. Фадеева в редакцию «Московского альманаха» летом 1939 г.: «...в советской общественности создается впечатление – учитывая особенно характер вещей Асеева, Зощенко, Ахматовой, – что этот альманах создан в обход существующей системы журналов». – Цит. по: Черных, с. 312.

⁵⁴ Цит. по: Тименчик, с. 97.

к Ахматовой?»⁵⁵. В зарубежной печати в заслугу Пастернаку могли ставить смелость высказываний, а в упрек Ахматовой – стихи в честь Сталина⁵⁶. Построение оппозиций и тождеств производилось, главным образом, для того, чтобы, как выразилась Ахматова, «делать чучело из одного, чтобы побивать других»⁵⁷.

Но и сама Ахматова – вольно или невольно – сравнивала, сопоставляла, обижалась и ревновала. Современники зафиксировали это в своих мемуарах: «...“Но ведь вы больше любите Мари-ну?!” – (Смысл: зачем же читать о ней, об Ахматовой? Это было сказано с лукавством и с другими соседними более или менее различимыми чувствами)»⁵⁸; «...суетна Анна Андреевна по-прежнему. Больше всего занимает ее судьба ее стихов, завоевывающих мир медленнее, чем ей хотелось бы. Она считает себя более значительным поэтом, чем Пастернак и Цветаева. Ревнует к их славе и за гробом»⁵⁹. Предисловие к мемуарам Пастернака «Люди и положения» вызвало негодование Ахматовой: она восприняла его как историю русской поэзии XX в., в которой «ей посвящен

всего-навсего один сбивчивый абзац, в то время как, например, Марине Цветаевой целые страницы»⁶⁰. Известно ее высказывание, касающееся гонений против писателей в хрущевские времена: «А ведь по сравнению с тем, что делали со мною и с Зощенко, история Бориса <Пастернака> – бой бабочек!»⁶¹. Эта метафора окрашена весьма личностной эмоцией: в некоторых случаях жизненные коллизии адресатов ее посвящений поразительно совпадали с ее собственными. Так Чуковская вспоминает о тревоге 1960 г. в связи с публикацией за рубежом «Поэмы без героя» – ждать ли повторения истории с пастернаковским «Доктором Живаго»: «газеты, собрания, лужи, моря, океаны клеветы...»⁶²? И не была ли «невстреча» с Цветаевой летом 1941 г. отчасти продиктована моментом узнавания (неприятия этого узнавания?) в «полубезумном состоянии» Цветаевой⁶³ своего собственного психического самочувствия в конце октября – начале ноября 1935 г.? (Когда Н. Н. Пунин и Лев Гумилев подверглись аресту, то Ахматова казалась человеком, лишившимся рассудка⁶⁴). Не были

⁵⁵ Реплики М. С. Шагинян на заседании Президиума ССП в июне 1953 г. Цит. по: Б. Сарнов, Е. Чуковская, «Случай Зощенко (Повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом, 1946–1958)», *Юность*, 1988, № 8, с. 77.

⁵⁶ См.: Тименчик, с. 133.

⁵⁷ Цит. по: Д. Самойлов, *Памятные записки*, Москва: Международные отношения, 1995, с. 380–388, <http://www.akhmatova.org/articles/samojlov.htm>

⁵⁸ Впечатление Д. Е. Максимова от 15 февраля 1959 г. – Д. Е. Максимов, *Русские поэты начала века*, Ленинград: Советский писатель, 1986, с. 400.

⁵⁹ Запись Ю. Г. Оксмана от 29 октября 1963. – Ю. Г. Оксман, «Из дневника, которого я не веду», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, с. 645.

⁶⁰ Чуковская, т. 2, с. 269–270. Запись 15 октября 1957 г.

⁶¹ Там же, с. 341. Ср. из телефонного разговора Ахматовой с И. Берлиным в 1956 г.: «У него были трудные времена, но не столь мучительные, как у меня». – И. Берлин, «Из воспоминаний “Встречи с русскими писателями”», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, с. 450.

⁶² Чуковская, т. 2, с. 371.

⁶³ Так в беседе с Ю. Г. Оксманом 30 мая 1965 г. определила Ахматова возбужденность Цветаевой. Ко времени встречи с Ахматовой у Цветаевой уже были арестованы муж и дочь. – Оксман, с. 646.

⁶⁴ См.: *Дневник Елены Булгаковой*. Сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской. Вступ. ст. Л. Яновской, Москва: Изд-во «Книжная палата»,

ли хлопоты о судьбе Георгия Эфрона (Мура) и размолвки с ним следствием и компенсацией собственных (а также цветаевских!) непростых отношений с взрослым сыном?⁶⁵

Если это так, то посвящения Ахматовой, тем более, могут быть рассмотрены:

1. как «акт взаимного кредита» (П. Бурдьё) между авторами, создающий своеобразный «клуб» писателей, объединенных не столько схожестью творческой манеры, сколько представлениями о принципах творческого и жизненного поведения. Стихи-посвящения утверждали и ограничивали число участников определенного литературного поля внутри культурного пространства русской поэзии XX века⁶⁶. Посвящения, адресатом ко-

1990, с. 364; Э. Г. Герштейн, «Тридцатые годы», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, с. 256.

⁶⁵ Ахматова, по выражению Г. Эфрона, «деятельно ратовала» за него в ташкентской эвакуации в 1942-43 гг., однако отношения между ними не всегда были безоблачными. – См. ташкентские письма Эфрона: Г. Эфрон, *Письма*. Сост. Е. Б. Коркина, Калининград: Музей М. И. Цветаевой в Болшеве; Изд-тво «Луч-1», 1995, <http://club.tsvetayeva.com/index.php?topic=8.0>

⁶⁶ В нашем случае фигурантами такого литературного поля являются соратники по «Цеху поэтов» (Ахматова, Гумилев, Мандельштам, Нарбут, Зенкевич, Лозинский), близкие им по духу и/или судьбе Блок, Цветаева, Пастернак, Замятин, Пильняк, Булгаков, Зощенко, Ходасевич, Чулков, Пунин, Л. Чуковская, Н. Мандельштам, Э. Герштейн, а также – с разного рода оговорками – Маяковский, Кузмин, Есенин, Клюев, В. Ардов, Арс. Тарковский, Петровых, Бродский, Найман, Липкин, Солженицын, В. Корнилов, Самойлов, А. Гитович, А. Сергеев... Разумеется, в разные годы это поле структурировалось не всеми из вышеперечисленных авторов одновременно. Мы ограничиваемся разговором о тех писателях, которые стали адресатами эпитафий и посвящений Ахматовой, исключив из этого круга друзей

торых была сама Ахматова, есть у Гумилева, Блока, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, Лозинского, устные и письменные проявления солидарности вышеназванного рода в отношении Ахматовой есть у Пильняка, Булгакова и Зощенко.

2. как авторские манифестации в пространстве социального функционирования культуры – во временных рамках ахматовского стремления предать тексты посвящений гласности и в контексте реального времени их оглашения (публикации). Смыслы посвящений и ценности, утверждаемые в них, во многом обусловлены вовлеченностью (вольной или невольной) Ахматовой «в борьбу в качестве повода, объекта или субъекта нападков, критики, полемики» (как литературной, так и политической). Именно это является критерием принадлежности текстов посвящений «к полю манифестаций», а фигуры их автора – «к полю позиций» (П. Бурдьё).

Эти две точки зрения на посвящения могут пересекаться. Для иллюстрации возьмем рассказанную В. Я. Вилекиным историю булгаковской эпитафии *Вот это я тебе, взамен могильных роз...*⁶⁷. Эпизод первый: Ахматова, навестив Е. С. Булгакову через некоторое время после смерти писателя (16 апреля 1940 г.), прочла ей посвящение. Эпизод второй: в день 25-летия со дня смерти

«позднего» «призыва» – авторов, близких Ахматовой в последние годы ее жизни.

⁶⁷ В. Вилекин, *В сто первом зеркале*, Москва: Советский писатель, 1987, с. 103.

М. А. Булгакова (10 марта 1965 г.) Ахматова прочла это посвящение в том же доме, но при гостях. В ситуации 1940 г. создание посвящения, его текст и обстоятельства его оглашения (Ахматова велела Булгаковой выучить стихи наизусть – «пока придется просто запомнить») можно рассматривать как проявление «внутреннего принципа иерархизации» (П. Бурдьё), т.е. знак подobia, признания и доверия. Написанной и прочтенной эпитафией Ахматова вводит Булгакова (а заодно с ним и его вдову⁶⁸) в элитный литературный круг. К этому моменту она уже это круг обозначила (или: странным, а может быть, наоборот, закономерным образом в эти траурные дни и последующие месяцы 1940 г. обозначает) именами тех, кем, практически, исчерпывается определенное художественное суб-поле. Это имена умерших Кузмина и Хлебникова⁶⁹, Маяковского⁷⁰, Пильняка⁷¹, Блока⁷²,

⁶⁸ В данном случае важны прецеденты «изустного» бытования стиха в памяти Е. С. Булгаковой – хранимые памятью Н. Я. Мандельштам стихи О. Мандельштама, памятью Л. К. Чуковской и других близких друзей стихи самой Ахматовой.

⁶⁹ 18 января 1940 г. написано стихотворение *Подвал памяти* с эпиграфом из В. Хлебникова и упоминанием о смерти одной из центральных фигур артистической жизни предвоенного Петербурга – М. А. Кузмина («От старости скончался тот проказник...»). – Черных, с. 316.

⁷⁰ 3-10 марта 1940 г. помечено стихотворение о молодом (что важно, учитывая сложные отношения Ахматовой и Маяковского в послереволюционный период) Маяковском *Маяковский в 1913 году*. – Там же, с. 318.

⁷¹ 9 марта 1940 г., накануне смерти Булгакова, Ахматова читала Чуковской посвящение Пильняку, написанное в 1938 г. – Там же, с. 318.

⁷² 11 марта 1940 г. Ахматова читает Чуковской незаконченное стихотворение *Так отлетают темные души...*, расплывающимся в двойниках героем

Замятина⁷³, Гумилева и Мандельштама⁷⁴ и еще живой Цветаевой⁷⁵. Добавим сюда в каком-то смысле фоновые, но значимые, фигуры поэта Вс. Г. Князева⁷⁶, «красавиц тринадцатого года» – С. Н. Андрониковой⁷⁷ и О. А. Глебовой-Судейкиной⁷⁸, а также саму Ахматову (10-13 марта 1940 г. она пишет «большую панихиду по самой себе» – поэму «Путем вся земли» [«Китежанка»])⁷⁹.

Ситуация 1965 г. иная: за прошедшие 25 лет со дня смерти Булгакова Ахматова не один раз пыталась опубликовать «Венок мертвым», в который она всякий раз включала посвящение автору «Мастера и Маргариты». Для нас же интерес представляет следующее: в марте

которого является Гумилев и в котором В. Н. Топоров нашел блоковские мотивы. – Там же, с. 318.

⁷³ Запись Е. С. Булгаковой от 16 апреля 1940 г.: «<...> Потом Анна Ахматова. Прочитала то, что написала для него. Взяла фотографию. Сказала: Замятин умер ровно за три года, 10 марта 1937 года». – *Дневник Елены Булгаковой*, с. 371.

⁷⁴ 27 декабря 1940 г. Ахматова пишет *Первое посвящение* к «Поэме без героя», означив адресатом посвящения Вс. Князева. Но в ряде списков поэмы посредством даты (27 декабря) посвящение, возможно, переадресуется Мандельштаму (предполагаемая дата его смерти). Есть свидетельства и о том, что адресат посвящения – Гумилев. – См.: *Петербургские сны Анны Ахматовой. «Поэма без героя» (Опыт реконструкции текста)*. Сост., вступ. ст., реконструкция текста и коммент. С. А. Коваленко, С.-Петербург: ООО «Изд-во «Росток», 2004, с. 306-307.

⁷⁵ 16 марта 1940 г. написано стихотворение *Поздний ответ*, вошедшее затем в цикл «Венок мертвым». – Черных, с. 319.

⁷⁶ См. сноску 74.

⁷⁷ 9 августа 1940 г. помечено стихотворение *Современница (Всегда нарядней всех, всех розовой и выше...)*, посвященное Андрониковой. – Ахматова, т. 1, с. 405.

⁷⁸ В ночь 26-27 декабря 1940 г. написан фрагмент главы второй «Поэмы без героя» – *Ты в Россию пришла ниоткуда...*, героиней которого является Глебова-Судейкина. – Черных, с. 329-330.

⁷⁹ *Записные книжки*, с. 311.

1965 г. «Елена Сергеевна, зная, что стихотворение “Памяти Булгакова” уже обещано для сборника воспоминаний о нем, стала просить Анну Андреевну... прочитайте его за столом» (Курсив мой. – Г.М.)⁸⁰. На тот момент Булгакова являлась одним из двух составителей упомянутого Виленкиным мемуарного сборника, и в записи Ахматовой от 14 октября 1965 г. читаем: «Елена Серг<еевна> просит написать о Булгакове (“хоть страничку”)⁸¹. Отношения между Булгаковым и Ахматовой, познакомившимися в 1933 г., были уважительными, дружескими, но не близкими: они представляли сферы разных замкнутых литератур, оберегавших свою культурную автономию, обращавшихся к своему читателю. Авторское посвящение Булгакову, действительно, звучит «несколько высокопарно» и не совпадает «с живой, ироничной и чуждой всякого аскетизма и позерства личностью писателя»⁸². Но, думается, что Е. С. Булгаковой в 1960-е гг. требовалась приблизительно такая публичная манифестация в адрес Булгакова, ставящая его на возвышенные трагические котурны, особенно если учесть сравнимое с ахматовским ревностное отношение писателя к своему посмертному литературному имени⁸³. Как пишет М. О. Чудакова, «в те

годы ей <Булгаковой> нужна была легенда, а не биография <...> – общество требовало и ждало легенды»⁸⁴. Предложенная в 1967 г. к печати рукопись сборника воспоминаний о Булгакове издана не была⁸⁵. Но общество получило долю булгаковского мифа в исполнении Ахматовой: в 1966 г. стихотворение памяти Булгакова было опубликовано в альманахе «День поэзии». В тандеме с выходом в печать романа «Мастер и Маргарита» (ноябрь 1966 – январь 1967 гг.) и публикацией посвященного Булгаковой ахматовского стихотворения «Хозяйка» (1946, опубл. в кн. «Бег времени», 1965), где героиня в первой же строке именуется «колдуньей», эпитафия Булгакову с ее коннотациями отверженности и замалчивания⁸⁶, в которых различимы отголоски последнего романа писателя⁸⁷ («и до конца донес великолепное презрение», «И гостью страшную ты сам к себе впустил / И с ней наедине остался», «все вокруг молчат о скорбной и высокой жизни»), становилась частью легенды, складывающейся в 1960-е гг., о мастере и его

⁸⁴ *Воспоминания о Михаиле Булгакове*, с. 483.

⁸⁵ В выпущенном в 1988 г. сборнике мемуаров о Булгакове нет ни стихотворения, ни воспоминаний Ахматовой. Мемуарная «хоть страничка», судя по всему, Ахматовой написана не была; что же касается стихотворения, то мы не располагаем сведениями, была ли на то воля составителей – Булгаковой и Ляндреса, Ахматовой или издателей 1988 г.

⁸⁶ В «Листках из дневника (О Мандельштаме)» Ахматова воспроизвела свою реплику в адрес Булгакова при разговоре с Мандельштамом зимой 1933–1934 гг.: «...Булгаков сам изгой». – Ахматова, т. 2, с. 171.

⁸⁷ Ахматова слушала роман в авторском чтении в 1933 г., читала его в ташкентской эвакуации в 1943 г., перечитывала в 1965-ом. – См.: *Записные книжки*, с. 684.

⁸⁰ Виленкин, с. 103.

⁸¹ *Записные книжки*, с. 677.

⁸² В. И. Сахаров, «А. Ахматова и М. Булгаков», *«Царственное слово». Ахматовские чтения. Вып. 1*, Москва: Наследие, 1992, с. 203-206, <http://www.akhmatova.org/readings/vypusk1/saharov.htm>

⁸³ См., к примеру, свидетельство С. А. Ермолинского. – *Воспоминания о Михаиле Булгакове*. Сост. Е. С. Булгакова и С. А. Ляндрес. Вступ. ст. В. Я. Лакшина. Послел. М. О. Чудаковой, Москва: Советский писатель, 1988, с. 457.

Маргарите – М. А. и Е. С. Булгаковых. Необходимо принять во внимание и то, что, «оплакивая» писателя, обретшего в эти годы на уровне интеллигентской суб-культуры черты культурного героя, Ахматова тем самым подтверждала высокий статус самой плакальщицы, тем более что публикация эпитафии была посмертной – в этом же году сама Ахматова и ее творчество переместились в сферу нетленных/беспорных ценностей русской культуры, где, по большому счету, неразличимы различия между Мандельштамом и Булгаковым⁸⁸.

Обратимся к другому примеру, к фрагменту сюжета «Ахматова – Пастернак». В ахматовском сборнике «Из шести книг» (1940) был опубликован окончательный текст стихотворения *Борис Пастернак (Поэт)* (1936), в последней строфе которого герой, награжденный бессмертием («вечным детством»), обретает прометеевские черты, наделяя «всех» доставшимся ему даром «щедрости и зоркости». Перед нами художественный образец того, как «мифы о богах и героях становятся биографиями поэтов»⁸⁹. Но одновременно это авторское посвящение – поэтическая «ссуда», предполагающая принцип возвратности. Принцип срабатывает: 28 июля 1940 г. датировано письмо Б. Л. Пастернака Ахматовой, в котором он поздравляет ее с выходом сборника

в печать. Помимо прочего, Пастернак пишет о своей (а также И. Северянина и В. Маяковского) «задолженности» (кредите!) Ахматовой. Этим он определяет ее место «мэтра», «главы» в артистическом автономном поле (впрочем, самую верхнюю позицию в иерархии этого поля занимает, конечно, Пушкин и Блок). Но в письме Пастернака находит себе место и иное: та борьба за дефиницию писателя, которая позволяет, как указывалось выше, рассматривать посвящения и эпитафии Ахматовой как манифестации в «пространстве социально институтируемых позиций» (П. Бурдьё). Возмущаясь опубликованной в «Литературной газете» (в июле 1940 г.) рецензией литературоведа В. О. Перцова на ахматовский сборник, Пастернак пишет: «...думают (между прочим, Толстой), что *кто-нибудь из настоящих писателей должен написать о вас* в журнале, а не в газете» (Курсив мой. – Г.М.)⁹⁰. Высказывание, сопоставимое с желанием Булгаковой включить в сборник воспоминаний о Булгакове эпитафию и воспоминания Ахматовой. Налицо стремление представителей определенного литературного суб-пространства переместить свои критерии и иерархию художественных ценностей в сферу их социо-культурного потребления, где царят шкалы литературных критиков, издателей и иных властных структур. Позднее Пастернак сам осуществил эту идею, создав несколько вариантов рецензии на «Избранное» Ахматовой, изданное в Ташкенте в 1943 г., для журнала «Огонек» и «Лите-

⁸⁸ Ср.: И. Волгин, «Не удостоенные света. Булгаков и Мандельштам: опыт синхронизации», *Октябрь*. 1992, № 7, с. 126-160.

⁸⁹ Фраза О. М. Фрейденберг в ее письме Пастернаку от 31.01.1947 г., высказанная безотносительно к стихотворению Ахматовой и вызвавшая восторг адресата. – См.: *Переписка Бориса Пастернака*, с. 236, 237-238.

⁹⁰ Цит. по: Черных, с. 324.

ратурной газеты». Но ни одна из этих рецензий не была опубликована до начала 1960-х гг.⁹¹

То, что две категории иерархий и критериев вступают в непримиримое противоречие (на протяжении практически всей истории литературы советского периода) прекрасно иллюстрируют строки из внутренней рецензии критика Е. Ф. Книпович на составленную Ахматовой книгу «Бег времени»: «Пусть простит автор мою дерзость, но три посвящения Б. Пастернаку идут мимо сути, и *все было не так, и трагедия художника была не та*» (Курсив мой. – Г.М.)⁹². Речь идет о текстах, адресованных Пастернаку и мыслимых Ахматовой в рамках цикла «Венок мертвым». За три года до этого к публикации в «Нашем современнике» (1960 № 3) не было допущено первое из трех посвящений (*И снова осень валит Тамерланом...*) с его «религиозной концовкой» и возможной отсылкой к стихам и прозе Мандельштама. (Такая же участь постигла и эпитафию Мандельштаму)⁹³. При подготовке «Бега времени» к изданию в 1965 г. Ахматова согласилась сменить название второго посвящения из поэтического триптиха *Умолк вчера неповторимый голос... на Смерть поэта*, издатели же без согласования с нею поменяли и дату написания стихотворения: с 1960 г. на 1957 г.⁹⁴ Аналогичным образом поступили со стихотворением

Все это разгадаешь ты один..., адресованным Пильняку (1938): в журнале «Наш современник» его опубликовали без посвящения и с ложной датой 1942 г., «переадресовывающей жертвам немецких фашистов строки “Кто может плакать в этот страшный час о тех, кто там лежит на дне оврага”»⁹⁵. К слову, история создания этого посвящения раскрывает тот же механизм «циркуляции актов кредита, которыми обмениваются все агенты, вовлеченные в артистическое поле» (П. Бурдьё): «Совсем не помню, когда оно было написано. <...> А вот что помню: незадолго до той поездки в Переделкино, о которой тут речь, я написала стихотворение Пастернаку. Пильняк тогда сказал мне: “А мне?” – “И вам напишу”. И вот когда довелось написать»⁹⁶.

Нельзя не заметить, что творческое манифестирование (или его попытки) сопровождалось действиями другого рода, закрепляющими авторитетность художественного высказывания в социальном пространстве: демаршами, символическими протестами, открытыми письмами и т.п. Таковыми являлись, например, публичные жесты Ахматовой осенью 1929 г. и весной 1934-ого. В 1929 г. в советской печати была организована первая антиписательская политическая акция: травле подверглись популярнейшие и авторитетнейшие

⁹¹ См.: *Борис Пастернак об искусстве*. Сост. и прим. Е. Б. и Е. В. Пастернак. Вступ. ст. В. Ф. Асмуса, Москва: «Искусство», 1990, с. 156-158, 281-182.

⁹² Цит. по: Кралин, с. 187.

⁹³ Тименчик, с. 118-119.

⁹⁴ См.: Чуковская, т. 3, с. 297-298; *Записные книжки*, с. 54, 130

⁹⁵ Тименчик, с. 118.

⁹⁶ Чуковская, т. 2, с. 112. Ср. в письме Б. Пастернака Р. Н. Ломоносовой от 28 февраля 1929 г.: «Среди неотложных работ <...> я не расстаюсь с мечтой написать несколько настоящих <...> посвящений: Марине <Цветаевой>, Ломоносовой, жене, Ахматовой, обоим Мейерхольдам». – Цит. по: Черных, с. 259.

Е. И. Замятин и Б. А. Пильняк. В знак протеста Ахматова выходит из Союза писателей: «в 1929 г. после “Мы” и “Кр<асного>дерева” и я вышла из союза. <...> В мае 1934 г., когда рассылались анкеты для вступления в новый союз <писателей>, я анкеты не заполнила»⁹⁷. Причиной невступления в новый Союз стало взятие под стражу О. Э. Мандельштама: «Арест Осипа произвел на меня такое впечатление, что у меня рука не поднялась, чтобы заполнить анкету»⁹⁸. Что касается писем⁹⁹, то здесь интерес представляют те, в которых содержится просьба о легитимации того или иного агента литературного поля. Подобные письма за подписью К. Г. Паустовского, К. И. и Л. К. Чуковских, Ахматовой и др. фигурировали в «деле» И. Бродского: «Вчера подписала документ <в защиту И. Бродского>. Там будет всего 10 подписей» (запись от 22 октября 1964 г.); «Я рада, что осталась ему верна до конца (тел <елефон?грамма?> Микояну <председателю Президиума Верховного Совета СССР. – Г.М.>), хотя гордиться этим решительно не стоит» (запись середины сентября 1965 г.)¹⁰⁰. Таково же и упомянутое выше

⁹⁷ *Записные книжки*, с. 28.

⁹⁸ Ахматова, т. 2, с. 168-169.

⁹⁹ В годы тотального государственного контроля публичные выступления в прессе могли быть только организованы или инспирированы властью (к примеру, письмо Пастернака на имя Хрущева от 31 октября 1958 г.). Здесь речь идет об «открытых» письмах, проблема распространения которых решалась самим автором, как в случае с Солженицыным, и о письменных/телефонных обращениях к представителям верховной власти по, как выразился А. Т. Твардовский, «частному литературному делу» (письма М. Булгакова, А. Фадеева, В. Войновича и др.).

¹⁰⁰ *Записные книжки*, с. 495, 669.

письмо Хрущеву А. А. Суркова (июнь 1959 г.), которое касается самой Ахматовой. Накануне появления своей рецензии на изданную книгу Ахматовой Сурков просил «амнистировать» «старого русского писателя, встречающего свое семидесятилетие», продемонстрировав «какую-то форму государственного признания»¹⁰¹. В определенном смысле *опубликованные* поэтические посвящения и эпитафии Ахматовой становились таким вот элементом процесса узаконивания («государственного признания») писателя. Ахматова осознавала это: к примеру, ее нежелание снимать в стихотворении *Все это разгадаешь ты один...* дедикацию Пильняку (при подготовке книги «Бег времени») сопровождалось возмущением по поводу официального игнорирования факта реабилитации писателя: «мало того, что человек невинно убит, теперь еще запретить его имя»¹⁰². Политизированную литературную критику, несомненно, раздражали подобные претензии на их «монопольное право “освящать”» (П. Бурдьё) производителей культуры и производимое культурной историей. С этой точки зрения, известная рецензия Книпович на «Бег времени», в которой критик подвергала сомнению фундирующие ахматовскую книгу представления о мире и о человеке, важна именно как разъясняюще-предупреждающая *внутренняя* рецензия, т.е. текст, предназначенный для литературно-критической и

¹⁰¹ Цит. по: М. Р. Зезина, *Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы*, Москва: Диалог-МГУ, 1999, с. 292.

¹⁰² Магнитофонная запись И. Д. Рожанского. Цит. по: Тименчик, с. 655.

издательской «унии», уполномоченной устанавливать художественные ориентиры и шкалы ценностей.

Итак, посвящения и эпитафии, перемещаемые в качестве форм образотворчества из локальной сферы взаимного бытового и творческого кредитования в мир социума, могли играть двойную роль. Могли вступать в открытую или потаенную полемику с уже сформированным или формируемым в массовом сознании официальным имиджем того или иного автора (случай с Пастернаком, Пильняком, Маяковским¹⁰³), либо поддерживать процесс сотворения образа этого автора в сознании определенных суб-культур (случай с Булгаковым).

Разумеется, настойчивое стремление Ахматовой в 1940-1960-ые гг. к подобному перемещению своих текстов (т.е. желание увидеть их опубликованными) можно объяснить разными причинами, вернее, сочленением разных причин. Среди них: и психофизика некогда признанного профессионального поэта, возможности которого быстро сужаются в силу долговременного принудительного ограничения в сфере социо-культурной коммуникации и наступающей старости¹⁰⁴, а регулярные нега-

тивные санкции по отношению к нему делают весьма болезненным состояние длящейся неопределенности¹⁰⁵; и амбициозность – жажда выказать/доказать достойный уровень мастерства, с годами не угасший; и соперничество (с Пастернаком и Цветаевой); и желание, «по мере усложнения структуры читательской аудитории» (Р. Тименчик), быть адекватно воспринятой новым, рожденным военными невзгодами и оттепельными временами, читателем¹⁰⁶. Но, основной, на наш взгляд, причиной становилось усилие утвердить в сознании современников ценность истории (в лицах) и культуры (в лицах), убедить в возможности альтернативных точек художественного зрения на прошлое

¹⁰⁵ Получив, по словам Л. Я. Гинзбург, «разрешение существовать», Ахматова как поэт не публиковалась с 1925 г. по 1940-е гг. В начале 1960-х гг. ситуация изменилась, но, как верно отметил Д. С. Самойлов, место Ахматовой в президиуме Съезда писателей было «признанием начальственного благоволения, непрочно являемого до публикации “Реквиема”» – Самойлов, *Памятные записки*, <http://www.akhmatova.org/articles/samojlov.htm>

¹⁰⁶ Из письма Ахматовой А. Г. Найману зимой 1960 г.: «Последнее время я замечаю решительный отход читателя от моих стихов. То, что я могу печатать, не удовлетворяет читателя. Мое имя не будет среди имен, которые сейчас молодежь (стихами всегда ведает молодежь) подымет на щит. Хотя сотня хороших стихотворений существует, они ничего не спасут. Их забудут. Останется книга посредственных, однообразных и, уж конечно, старомодных стихов. Люди будут удивляться, что когда-то в юности увлекались этими стихами, не замечая, что они увлекались совсем не этими стихами, а теми, которые в книгу не вошли. Эта книга <готовящееся издание избранных стихов. – Г.М.> будет концом моего пути. В тот подъем и интерес к поэзии, который так бурно намечается сейчас, – я не войду...<...> Я слишком долго была на авансцене, мне пора за кулисы». – Цит. по: А. Хейт, *Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой*. Пер. с англ. Предисл. А. Наймана, Москва: Радуга, 1991, с. 340.

¹⁰³ А. К. Жолковский, к примеру, полагает, что стихотворение *Маяковский в 1913 году* – это «панегирик, скрыто полемический по отношению к его <Маяковского> официальному имиджу». – А. К. Жолковский, «Ахматова и Маяковский. К теории пародии», *In memoriam. Сборник памяти С. Лурье*. Сост. Н. Ботвинник и Е. Вансеева, С.-Петербург: Атенеум/Феникс, 1997, с. 383-394, www-ref.usc.edu/~alikh/rus/ess/am.htm

¹⁰⁴ «Смерти и предсмертья, панихиды и похороны двойников и ушедших друзей, прощальные слова и духовные завещания окружали ее». – Тименчик, с. 273.

(легитимность «прошлого, увиденного прошлым взглядом»¹⁰⁷). При этом, нельзя упускать из виду ахматовские притязания на единоличное владение истинными дефинициями (имеющими, однако корпоративное происхождение) при определении явлений, личностей и, в целом, своего поколения (особенно в отношении Гумилева, или, например, Блока и Мандельштама). Наиболее проницательные потребители культуры поняли это практически сразу. Еще в

1927 г. Л. Я. Гинзбург в качестве представителя определенной части «гуманитарной молодежи» записала: «...Ахматова явно берет на себя ответственность за эпоху, за память умерших и славу живущих. <...> Не стоит спорить о том, нужна ли она нашей культуре, поскольку она является какой-то составной ее частью. Она для нас исторический факт, который нельзя аннулировать. <...> В этом сила людей, сумевших сохранить при себе ореол и характер эпохи»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Из рецензии Е. Ф. Книпович на книгу Ахматовой «Бег времени». Цит. по: Кралин, с. 188.

¹⁰⁸ Гинзбург, с. 132.

ANOS ACHMATOVOS POETINĖS DEDIKACIJOS XX AMŽIAUS 5-7 DEŠIMTMEČIŲ SOCIALINĖJE IR KULTŪRINĖJE ERDVĖJE

Galina Michailova

S a n t r a u k a

Straipsnyje analizuojamos kitiems rašytojams dedikuotos Anos Achmatovos eilės (ciklas “Vainikas mirusiems” ir kiti tekstai). Daugiausia dėmesio kreipiama ne į tai, kada jie parašyti ir kam skirti, o į tai, kad eilių datavimas ir adresavimas – variatyvus, aprašomos eiliuotų “epitafijų” publikavimo istorijos. Remdamasi prancūzų sociologo ir filosofo Pierre’o Bourdieu samprotavimais, straipsnio autorė tvirtina, jog Achmatova siekė savo dedikuotas eiles pateikti kaip viešas manifestacijas. Tad XX amžiaus 5-7

dešimtmečiais Achmatova yra viena iš tų, kurie liudija egzistuojant ir įtraukia į kultūrinį procesą bei masinę sąmonę tuos autorius, kurie iš kultūros istorijos buvo išbraukti arba ignoruojami – Borisą Pilniaką, Michailą Zoščenką, Osipą Mandelštamą, Nikolajų Gumiliovą, Mariną Cvetajevą ir kitus. Atskirų dedikacijų (Borisui Pasternakui, Michailui Bulgakovui) sukūrimo ir paskelbimo (cenzūros ir ne cenzūros aplinkybėmis) istorijos suteikia galimybę vertinti poetės “epitafijas” kaip dar vieną rašytojų reabilitavimo/kanonizavimo formą.

Получено: 2010, август

Принято: 2010, сентябрь

Adres autora:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: galina.michailova@flf.vu.lt